

РАФАЭЛ ПАТКАНЯН И ТВОРЧЕСТВО НЕКОТОРЫХ БАСНОПИСЦЕВ

ЕРВАНД ЧИЛИНГАРЯН

Известно, какую важную роль в истории армяно-русских связей XIX в. сыграл Лазаревский институт восточных языков. Многие армянские юноши, получая классическое по тем временам образование, довольно основательно изучали русскую литературу, знакомились с творчеством Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Жуковского, Батюшкова, Кольцова и других русских писателей и поэтов. Важное место в учебных программах¹ отводилось и изучению басни, творчества известных русских баснописцев. Очевидно, именно в Лазаревском институте, в 1841—1849 гг., Р. Патканян впервые познакомился с творчеством одного из величайших представителей классической русской литературы Ивана Андреевича Крылова. Басни Крылова произвели на Патканяна неизгладимое впечатление. Сразу же оценив важное значение произведений великого баснописца, Патканян на протяжении всей своей жизни неоднократно обращался к творчеству Крылова и всячески содействовал его популяризации в армянском народе.

Обычно исследователи считают, что первым печатным изданием Р. Патканяна является перевод отрывка из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы», который под названием «Птичка» был напечатан в журнале «Ара-рат» Габриела Патканяна². Мы также придерживались этого мнения. Однако недавно нам удалось найти небольшую книжку на русском языке под названием «Русская азбука». На титульном листе зафиксировано, что составителем является Рафаэл Патканян, а год издания—1850. Цензурное разрешение дано А. Раевским-Крестьяновым 19 мая 1850 г.—т. е. почти за полгода до выхода в свет указанного номера журнала «Ара-рат» (сентябрь 1850 г.).³ Эта книга фактически является первым печатным изданием Патканяна и впервые вводится в научный оборот. Это типичная азбука, предназначенная для обучения армянских детей русскому языку. Пожалуй, самым интересным разделом «Русской азбуки» является последний—«Басни». Обучая армянских детей русскому языку, Патканян старается в какой-то мере приобщить их и к великой русской литературе. Вместе с маленькой басней Хемницера «Собака и мухи», помещены некоторые из лучших басен И. А. Крылова: «Лебедь, щука и рак», «Стрекоза и муравей», «Ворона и лисица» и «Обоз». Рассматривая басни Крылова как отличный дидактический материал для обучения и воспитания школьников, Патканян в дальнейшем неоднократно использовал их при составлении учебных пособий. К примеру, в

¹ «Программы Лазаревского института восточных языков и правила о приеме воспитанников в оный», М., 1859.

² «Արարատ» (Քիֆիլի), 1850, № 4, էջ 64.

³ Отметим, что дата цензурного разрешения позволяет попутно уточнить время прибытия Р. Патканяна в Тифлис—не позднее апреля 1850 г.

«Новой армянской азбуке»⁴ на древнеармянском языке вместе с баснями Эзопа и Федра помещены переводы басен Крылова «Музыканты», «Осел и соловей», взятые из журнала «Базмавеп». Крыловские басни введены и в детскую хрестоматию «Родная речь»⁵. Во второй части книги помещены «Дуб и трость», «Лягушка и вол», «Мартышка и очки», «Прохожие и собаки» и др. В экземпляре, который хранится в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца⁶, среди многих исправлений и примечаний, сделанных рукою Патканяна, есть указание, что эти переводы взяты из «Басен Крылова», изданных Г. Айвазовским⁷.

Ссылки на басни Крылова встречаются в письмах Р. Патканяна. В одном из них, датированном 1849 г., Патканян описывает друзьям ритуал приема гостей в Астрахани. Подробно перечисляя все изысканные кушанья, которые в обязательном порядке нужно было отведать у различных родственников, Патканян пишет, что эту несносную «операцию», или «демянову уху», ему пришлось испытать раз пятьдесят. «Фока был счастливее, ему удалось сбежать» (VI, 12)⁸. В другом письме для подтверждения своих слов Патканян приводит крылатое выражение из басни Крылова «Ворона и лисица»: «И в сердце льстец всегда отыщет уголок» (VIII, 210). А строки «Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно», даны Патканяном в качестве эпиграфа к комедии «Пампулиос», написанной в 1879 г. Словом, активное использование басен Крылова было для Патканяна скорее правилом, чем исключением. И было бы удивительным, если бы Патканян ограничился только этим. Как показало пристальное изучение наследия армянского поэта, его связи с творчеством Крылова были более прочными и глубокими.

Патканян не был профессиональным печатником. И тем не менее, ввиду тяжелого материального положения многие свои книги он был вынужден печатать сам: приходилось прибегать к максимальной экономии. Впрочем, и на этом поприще Патканян проявил недюжинные способности. Лучшее тому свидетельство—«Басни Эзопа»⁹. В книжке миниатюрных размеров (6×8 см) ему удалось поместить предисловие, «Жизнеописание Эзопа», 46 басен, 120 пословиц разных народов и 25 великолепных гравюр, с большим мастерством выполненных его братом О. Патканяном¹⁰. Словом, эту книжку определенно можно отнести к уникальным изданиям. Впрочем, не только по миниатюрным размерам

⁴ «Նոր արհմարանի Հայկական», հորինեց Ռ***, Ս. Պ. Բուրգ, 1856:

⁵ «Հեթեղեղարան ժանկանց Մարինի բարրառ», աշխատանքից Ռաֆայել Պատկանյանը, Քրիֆիլ, 1884:

⁶ Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее—МЛИ), фонд Р. Патканяна, № 199.

⁷ Ի. Ա. Կոնյուզ, Հատընտիր առակը, Թեոդորիա, 1866:

⁸ Здесь и далее в скобках отмечается издание: Ռ. Պատկանյան, Երկերի ժողովածու, 8 Հատորով, Երևան, 1963—1974. Первая цифра обозначает том издания, вторая—страницу.

⁹ «Հատընտիր և պատկերազարդ առակը Եզոպոսի և առաք պիտակն աղգաց», ՍՊԲ., 1859:

¹⁰ Отметим, что многое из творчества этого талантливого художника безвозвратно утеряно. Тем более приятно было обнаружить еще одну из работ Ованеса (Ивана) Патканяна. В 1855 г. в Петербурге (в Летнем саду) был открыт памятник Крылову работы П. Клодта. В том же году была выпущена тоновая литография с видом памятника, окруженного гуляющей публикой. На литографии отмечено, что «рисунок на камне выполнен И. Патканяном» (Гравированные и литографированные виды Петербурга-Ленинграда в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Каталог, Л., 1965, № 442).

и оформлению, но и по той причине, что пока известно существование только одного экземпляра, который хранится в публичной библиотеке им. М. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.¹¹

Мы заинтересовались «Баснями Эзопа» в процессе работы над статьей, посвященной анализу переводческой деятельности Р. Патканяна.¹² Для начала попытались сопоставить армянский перевод с текстами из наиболее полного русского академического издания «Басен Эзопа»¹³. Это сравнение с научным изданием, подкрепленным солидным вспомогательным аппаратом, оказало бы неоценимую помощь в дальнейшей работе. Однако из 46 «Басен Эзопа» нам удалось выявить русский текст всего около 20. Результаты более детального подхода оказались совершенно неожиданными: в армянском переводе Патканяна нашли место не только общепринятые тексты, отнесенные к эзоповским сборникам, но и переводы оригинальных басен ряда других авторов: Федра, Валерия Бабрия, Г. Лессинга, Лафонтена и др.

Легендарного Эзопа греки считали зачинателем басенного жанра. «Имя Эзопа с этих пор навсегда закрепилось за басенным жанром: где мы говорим «басня», грек говорил «Эзопова басня».¹⁴ В I в. н. э. «Эзоповы басни» были переработаны латинским поэтом Федром и греческим поэтом Бабрием. Хотя и в основе этих стихотворных переложений во многих случаях был Эзоп («из басен Федра к Эзопу восходит около одной трети, из басен Бабрия—около двух третей»)¹⁵, однако творчество Федра и Бабрия является вполне самостоятельным. Оба имеют свой особенный, только им присущий стиль, свою манеру письма, своеобразное отношение к конкретным деталям, к реальностям окружающего мира. Все эти отличия и помогают различать их творчество, даже в том случае, когда их переделки очень близки «Эзоповым басням»¹⁶. На основе подобного подхода, допуская одновременно возможность вольного отношения Р. Патканяна к текстам, мы пришли к выводу, что в сборнике довольно много басен Федра—(17). В том числе: «Ворона и лисица», «Олень и охотник», «Зайцы и лягушки», «О людских судьбах», «Лопнувшая лягушка и бык» и др. Только у Федра встречаются басни «Верная собака», «Орлица, кошка и свинья», и именно Федром был введен «по-

¹¹ В Фундаментальной библиотеке АН АрмССР хранится фотокопия этого экземпляра, подаренная литературоведом М. Сагян.

¹² Е. Чиллигарян, Перевод обогащает язык («Литературная Армения», 1982, № 6).

¹³ «Басни Эзопа», Перевод, статья и комментарии М. Л. Гаспарова, М., 1968.

¹⁴ Там же, с. 246.

¹⁵ Федр, Бабрий, Басни, изд. подготовил М. Л. Гаспаров, М., 1962, с. 212.

¹⁶ История басенного творчества свидетельствует о том, что многие сюжеты и темы оказывались «бродячими», т. е. активно использовались различными авторами. Однако каждый баснописец перерабатывал их по-своему, сообразно со временем, с неповторимыми социальными и политическими нюансами своей эпохи и, конечно, в соответствии со своими концепциями, взглядами, творческим своеобразием. Поэтому при исследовании басенного творчества необходимо обратить внимание на специфические различия в деталях, манере письма и т. д. «Конечно, и у Крылова Лисица в басне «Лисица и виноград» и Волк в басне «Волк и Ягненок» поступают так, как они поступали в баснях Эзопа, Федра, Лафонтена и других баснописцев..., новаторство каждого баснописца... заключалось не только в том, что он по-иному разыгрывал сюжетную «партию», но и по-иному показывал действующих лиц» (Н. Степанов, Басни Крылова, М., 1969, с. 66).

следний аргумент» волка в широко известной басне «Волк и ягненок», который есть и в армянском переводе:

«Но ты меня ругал, тому шесть месяцев». —
А тот: «Меня еще и на свете не было». —
«Так, значит, это твой отец ругал меня». —
И так порешив, казнит его несправедно.¹⁷

(Пер. М. Гаспарова).

К Бабрию можно твердо отнести четыре басни: «Лиса и козел», «Осел в лвиной шкуре», «Лиса и аист», «Глиняный горшок и медный горшок». Не исключено, что еще одна басня («Волк в овечьей шкуре») Р. Патканяна является вольным переводом басни «Пастух и волк» из «Прогимнасм» византийского риторика XII в. Никифора Василадель¹⁸.

Хотя и присутствие текстов Федра и Бабрия в армянском переводе является в общем неожиданным, но это обстоятельство можно как-то объяснить: в середине XIX в. еще не было предельно четкого разграничения басен Эзопа, Федра и Бабрия, да и сам Патканян, готовя «Басни Эзопа», ориентировался на молодого читателя, а поэтому вряд ли затратил много времени и сил на подбор материала, а просто мог использовать для перевода первую попавшуюся книгу. Но еще более неожиданным является тот факт, что вместе с текстами Эзопа, Федра и Бабрия в переводе Патканяна помещены еще и (как минимум) три оригинальные басни Лафонтена и одна басня Лессинга. Чтобы наше утверждение не показалось голословным, обратимся к текстам.

Г. Лессинг, «Дуб и свинья»

Прожорливая свинья лакомялась опавшими желудями под высоким дубом. Раскусывая один желудь, она уже пожирала глазами другой.

—Неблагодарная тварь!—крикнул ей наконец дуб с высоты своего величия.—Ты питаешься моими плодами, но ни разу еще не обратила вверх благодарного взора!

Свинья на мгновение приостановилась и прохрюкала в ответ:

—Кабы я знала, что это ты ради меня роняешь тут свои желуды, то и я бы тебе посылала благодарные взоры.¹⁹

(Пер. А. Исаевой)

«Կաղնի և խոզ»

Որկորա խոզը Կաղնիի տակ պառկած հավաքում էր ցած թափած կաղնիները և ագահությամբ ուտում էր:

«Ով ապերախ անասուն, ասաց Կաղնին, դու ուտում ես իմ պառկածները և չես ուզում ճանաչել քո բարերարին»:

խոզը խրխնչելով պատասխանեց «Եթե ես հաստատ իմանալի, որ քու պտուղները հատկապես ինձ համար են ցած թափել, իհարկե որ գոհունակ պիտի լինեի բեղենն»:

Ով պատահմամբ ընկած գործ է գործում և ոչ ընդհանուր խորհրդով՝ նա իրավունք չունի ուրիշից շնորհակալություն ստանալու²⁰:

¹⁷ Федр, Бабрий, Басни, с. 7.

¹⁸ «Басни Эзопа», с. 194.

¹⁹ Г. Э. Лессинг, Драммы. Басни в прозе, М., 1972, с. 511.

²⁰ «Հատընտիր և պատկերազարդ առակք Եղգպոսի...», էջ 46—47:

Примерно такая же басня есть и у Эзопа («Путники и платан»), но она схожа с басней Лессинга лишь по идее, тогда как тексты полностью различны.

Сравним также одну из басен Лафонтена:

«Петух и жемчужина»

Однажды один петух извлек
Жемчужину, которую он отдал
Первому же попавшемуся ювелиру.
«Я думаю, что она драгоценна,— сказал он,—
Но малейшее зернышко ячменя
Было бы лучше для меня».

Один невежда унаследовал
Рукопись, которую он отнес
К своему соседу-книготорговцу.
«Я думаю, что она значительна,— сказал он,—
Но маленький дука́т
Был бы лучше для меня»²¹.

«Ափաղաղ և աղամանդ»

Ափաղաղը աղբի դեղը քրքրելիս դիպվածով գտավ մի ական պատ-
վական և չիմանալով թե ինչ անե, տարավ ականագործի մոտ և ասաց.
«Կարծում եմ, որ այս աղամանդը (էլմասը) օգտավետ ընդ է. բայց
ես տասնապատիկ երջանիկ կհամարեի ինձի, եթե դորա տեղ մի ցորե-
նահատ գտնեի»:

Տգետի մեկը ժառանգություն ստացավ մի հին ձեռագիր ու տարավ
յուր դրացի գրավաճառին ասելով. «Կարծեմ, որ այս գիրքը հասկա-
ցողի ալքին մեծ գին ունի, բայց ինձ համար հարկուրապատիկ շահա-
վետ կլինեի, եթե մի հատ ոսկի դրամ ունենայի»²²:

Первая часть этой басни в разных вариантах есть у Федра, Бабрия и у Эзопа. А такое сочетание традиционной басни «Петух и жемчужина» с находкой манускрипта встречается только у Лафонтена. У нас также есть возможность путем сопоставления текстов доказать принадлежность Лафонтену еще двух басен армянского перевода («Желудь и тыква», «Утопленница»), но, на наш взгляд, достаточно и приведенных выше примеров. Впрочем, отметим, что сам Лафонтен позаимствовал тему первой басни («Le Gland et la Citrouille») из «Творений и фантазий» театрального шута Табарена, жившего в XVII в., а второй басни («La Femme pouée») — у Габриэля Фаерна (1500—1561).²³

Мы затрудняемся дать точное объяснение вышеуказанным фактам. Либо Патканян воспользовался «ненаучным» изданием басен Эзопа (в этом случае он мог и не предполагать, что в книге, которая оказалась под рукой, могут быть не только тексты Эзопа), либо вполне сознательно подобрал басни разных авторов — в этом случае заглавие армянского

²¹ Подстрочный перевод наш. La Fontaine, Fables, nouvelle édition par M. Charles Aubertin, Paris, 1935, p. 105.

²² «Հատընալի և պատկերազարդ առակը նդոպոսի...», էջ 19:

²³ Ж. Лафонтен, Басни (полное собрание), с биографией и примечаниями, под ред. А. И. Введенского, СПб., 1901, с. 150, 432.

перевода можно истолковать не как «Басни Эзопа», а именно как «Эзоповы басни». Мы считаем более вероятным последнее предположение.

Наличие в армянском переводе «Эзоповых басен» произведений ряда других авторов можно в принципе считать доказанным. Нам остается добавить, что на основе тщательного исследования текстов мы пришли к выводу, что к перечисленным авторам можно добавить и Крылова. Вновь обратимся к фактам. В армянском переводе на с. 40—42 приведены два разных текста всемирно известной басни «Лисица и виноград». Первый текст прозаический и почти полностью совпадает с также прозаическим эзоповским вариантом. Второй текст по вполне понятной причине больше заинтересовал нас—этот перевод является единственным стихотворным в книге. Сравним текст армянского перевода со стихотворными текстами басен Федра, Бабрия, Лафонтена (подстрочный перевод) и Крылова.

Федр

Под лозами лиса, терзаясь голодом,
До виноградных гроздьев вспрыгнуть силилась.
Но не смогла, и уходя, промолвила:
«Еще незрел он: не люблю кислятины!»
Кто на словах порочит непосильное,
Свое здесь должен видеть поведение.²⁴

(Пер. М. Гаспарова)

Бабрий

С холма, где виноградные вились лозы,
Свисали гроздьи. Видя их налив темный,
Не раз старалась хитрая лиса прыгнуть
И дотянуться ртом до их красы зрелой,
Которой уж давно пришла пора сбора.
Но утомясь и так и не достав гроздий,
Она ушла, промолвив, чтоб смягчить горе:
«Я вижу, виноград еще совсем зелен!»²⁵

(Пер. М. Гаспарова)

Лафонтен

Некий парень лис, по словам иных, нормандец,
Почти умирая с голоду, увидел на вершине беседки
Виноград, с виду спелый,
С алой кожурой.
Любитель охотно попробовал бы,
Но так как лис не мог добраться до него,
«Слишком зелен,—сказал он,—и хорош для хамов»,—
Так предпочел [сказать] он, чем сетовать²⁶.

²⁴ Федр, Бабрий, Басни, с. 39.

²⁵ Там же, с. 98.

²⁶ Подстрочный перевод наш. La Fontaine, Fables..., p. 165—166.

Крылов

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
 В нем винограду кисти рделись.
 У кумушки глаза и зубы разгорелись;
 А кисти сочные, как яхонты горят;
 Лишь то беда, висят они высоко:
 Отколь и как она к ним ни зайдет,
 Хоть видит око,
 Да зуб неймет.
 Пробившись попусту час целой,
 Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
 На взгляд-то он хорош,
 Да зелен—ягодки нет зрелой:
 Тотчас оскомину набьешь».²⁷

Перевод Р. Патканяна:

Սովառանջ Աղվեսն մի այգի մտավ,
 Խաղողի փնջերն հասնացած դտավ,
 Քաղցրահամ պտղոց վրան նայելն
 Խեղճի թքերը կաթում էր բերնն.
 Ույժը հավաքեց, սկսավ թռչել.
 Ոչ պուկել, այլև չկարաց դիպել
 Խաղողի ծայրին, նորից թռչեց.
 Բայց, ավաղ, միայն իզուր աշխատեց:
 Հուսահատ թողած խաղողն ու այգին,
 Այսպես խորհում էր իրա մտքին.
 «Զեմ ուզում ուտել, նա դեռ տհաս է.
 Տհաս խաղողը, փորին վնաս է»²⁸.

Вариант Федра сразу же отпадает: он очень сухой, краткий и является всего лишь констатацией факта в стихотворной форме, неким отчетом о происшедшем событии. Бабрий основательно переделал эзоповский вариант, придав ему живость и естественность, даже некоторую красочность. Пожалуй, если б не было крыловского варианта, больше всего армянский перевод подошел бы к варианту Бабрия. Но, как нетрудно убедиться, в деталях они почти не совпадают. У Бабрия виноградные лозы расположены на холме, лиса вовсе не проголодалась, она просто собирается полакомиться виноградом. Да и уходя, она просто констатирует, что виноград еще совсем зелен. Вариант Лафонтена тоже схематичный и больше описательный, в нем мало действия. Не очень-то заметно, чтобы умирающий с голоду лис из последних сил пытался добраться до винограда. Все его старания, все попытки в виде пояснения даны в одной сухой строке, его подход преимущественно «рациональный». Переходя к сравнению с текстом басни Крылова, прежде всего отметим следующие совпадения в деталях: в обоих случаях голодная лиса находит виноград в саду, описывается ее состояние при виде спелого и сочного винограда, так оказать «эмоциональный взрыв». Отмечается напрасная трата времени, досада лисы. А после слов о том,

²⁷ И. А. Крылов, Басни, Изд. подготовил А. П. Могиланский, М.—Л., 1956, с. 171—172.

²⁸ «Հատրտիր և պտկերաղարդ ասակը նզուպսի...», էջ 41—42:

что виноград еще зелен, в обоих случаях говорится о «возможных последствиях» для здоровья и самочувствия. Во всяком случае, из приведенных выше текстов, а они были самыми популярными к середине XIX в., перевод Патканяна наиболее близок к варианту Крылова. Совпадения в деталях и мелких штрихах именно с этим вариантом, на наш взгляд, не случайны. Вывод, к которому можно прийти на основании данного сопоставления и анализа текстов, может быть следующим: единственный стихотворный текст в «Эзоповых баснях» является вольным переводом басни Крылова «Лисица и виноград».

Некоторые особенности позволяют сделать предположение, что к Крылову можно отнести еще одну басню, которая в армянском переводе имеет название «Решение льва» («Անլուծի լծիքը»). Эта басня («Лев на ловле») самим Крыловым отнесена к числу «переводов или подражаний». Она является основательной переработкой басни Лафонтена «Телка, коза и овца в обществе со львом». Напомним кратко содержание басни. Лев и «партнеры» по охоте ловят оленя. Лев раздирает добычу на четыре части и оказывается, что одна часть принадлежит ему как царю зверей, другая—тоже ему, как участнику охоты, третья, разумеется, ему же, как самому сильному, а к последней, четвертой части пусть кто-то попробует только притронуться. Вот такой «справедливый» дележ добычи. Отметим, что Лафонтен в свою очередь воспользовался басней Фэдра «Корова, козочка, овца и лев». При этом у Лафонтена персонажи остались прежними, но «критика справедливо находила странным сообщество льва с нехищными животными и дележ между ними пищи, в которой ни телка, ни коза, ни овца не нуждались»²⁹. Крылов в своей басне использовал других персонажей: волка, лисицу и собаку. В остальном идея та же. В переводе Р. Патканяна вместе со львом в охоте также принимают участие более подходящие к случаю «партнеры»—волк и лиса. Впрочем, результат остается прежним. Разумеется, мы принимаем во внимание, что в истории мирового басенного творчества есть и другие примеры использования в похожей ситуации персонажей льва, волка и лисы (старый французский «Роман о Лисе», «Лисья книга» В. Айгекци и др.). Однако имеются некоторые характерные особенности, свидетельствующие в пользу неслучайности совпадения подобного подхода к персонажам басни Крылова и армянского перевода Р. Патканяна. В Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца сохранилась рукописная тетрадь Р. Патканяна, в которой находятся и его переводы «Эзоповых басен»³⁰. Среди этих переводов есть и рукописный текст указанной басни, из которого следует, что сначала в переводе было четыре персонажа: лев, лисица, волк и *собака*, затем осталось три—видимо, присутствие собаки в такой компании показалось Патканяну невероятным. Слово «собака» зачеркнуто, но читается вполне отчетливо. Согласно содержанию басни, лев раздирает добычу на части по числу персонажей. В первоначальном варианте добыча делилась на *четыре* части, но поскольку потом осталось три персонажа, слово «четыре» было зачеркнуто и написано «три». Соответственно было сокращено и количество «аргументов». Отметим еще одну интересную деталь: заглавие басни в рукописи Р. Патканяна отличается от заглавия в печатном тексте. В книге «Басен Эзопа» напечатано «Решение льва» («Անլուծի լծիքը»), в рукописном же тексте—«Անլուծ լըրուք», т. е. «Лев на охоте», «Охотящийся лев». Это заглавие в принципе идентично крыловскому «Лев на ловле».

²⁹ Ж. Лафонтен, Басни..., с. 19.

³⁰ МЛИ, фонд Р. Патканяна, № 192, с. 45—46.

На наш взгляд, указанных фактов вполне достаточно, чтобы сделать вывод: данная басня является прозаическим переводом из Крылова.

За всю свою жизнь Р. Патканян написал всего несколько басен. Одна из них («Работники и собака») написана против редактора газеты «Нор-Дар» С. Спандаряна, который на страницах своего издания в 1887 г. организовал нападки на Патканяна.

«Մշակներ և Շուն»

Երեք ժիր մըշակ իշխանի արտում,
Հասուն հասկերից դեզ էին բարդում.
Մեկ քոսոտ շուն էլ, բան ու գործ թողած,
Անցորդների վրա հաշում էր կատղած:
Իշխանը եկավ, արտերը գիտեց
Ու մըշակներին առատ վարձատրեց:
Անասելի էր խեղճ շան զարմանքը,
Երբ անվարձ տեսավ իր աշխատանքը.
«Այսուհետ, ասաց, չարժեք աշխատել,
Երբ մարդիկ չգիտեն դորձ գնահատելը:
Տերն ասաց. «Ի՞նչ գործ գործել ես դու, Շո՛ւն»:
Շունն ասաց. «Բաս ողջ օրն ո՞վ էր հաշում»:

Հեք զըրշակ, ես քեզ լավ եմ ճանաչում,
Դու մեծ եռանդով ու շատ ես... հաշում.
Բայց բյուրապատիկ էլ ավել հաշես,
Դարձյալ պիտանի ազդին մըշակ չես:

У Крылова есть басня «Прохожие и собаки», написанная в схожей ситуации против М. Каченовского, редактора «Вестника Европы».

«Прохожие и Собаки»

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворяжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
— «И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуще всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю»,
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконец, совсем их не слышать.
Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.³¹

³¹ И. А. Крылов, Басни, с. 51—52.

Нередко в творчестве разных поэтов в схожих ситуациях наблюдаются совпадения в подходе к определенной теме. Идея примерно та же, но воплощается, разумеется, в различной форме, сообразно с индивидуальными особенностями поэта. И всегда в подобных случаях возникает закономерный вопрос—случайны ли эти совпадения или, наоборот, здесь есть какая-то связь. Такой вопрос возник и в данном случае. И очень трудно было бы сделать какой-то положительный вывод, исходя из конкретного материала: ведь связи в литературе бывают как явные, принципиальные, так и скрытые, почти незримые. К счастью, на помощь пришел сам Р. Патканян. В статье «Один ответ на тысячу злословий» (1888), направленной против нападок С. Спандаряна и его единомышленников, есть следующие строки Патканяна: «Друзья ответили: «Неужели ты не читал басню Крылова «Прохожие и собаки», если на собак обращать большое внимание, они будут все лаять и лаять, пройди молча мимо них, они перестанут лаять и перестанут. А если ваша война будет продолжаться, пострадает общее национальное дело». Я ответил, что собаки армянские не похожи на собак Крылова, они начинают с лая. Если прохожий будет молчать, они подумают, что он их испугался, и попытаются даже укусить его» (V, 440). Далее Патканян пишет, что послушался все-таки совета друзей и два года терпеливо молчал ради совместного общественного дела. И что же? «Собаки армянские не только не прекратили лаять, но и попытались кусаться. На этот раз вышло не по Крылову, оправдалась французская пословица: «Если прикинешься ягненком, волки съедят себя». „A la guerre comme a la guerre!“ (V, 441)³².

Думается, какие-либо обширные комментарии излишни: налицо использование Р. Патканяном темы басни Крылова, причем переосмысленное и примененное к армянской действительности. В одном из писем к Г. Кананяну, обсуждая вопросы, связанные с подготовкой одной из книг, Р. Патканян пишет, что думает сделать эту книгу настольной книгой для армян, такой популярной, какой для русского является книга басен Крылова (VI, 111). В этих строках наглядно проявилось и отношение Патканяна к творчеству Крылова, и его оценка деятельности великого русского баснописца. Это еще одно свидетельство глубокого уважения армянского поэта к подлинно народному творчеству Крылова.

Таким образом, налицо глубокий интерес Р. Патканяна к творчеству баснописцев вообще. Исследование «Басен Эзопа» свидетельствует, что Патканян перевел не только общепринятые эзоповские тексты, но и ряд басен других авторов: Федра, Бабрия, Лессинга, Лафонтена. Тем самым существенно расширяется круг авторов произведений, переведенных Патканяном. В научный обиход вводится и первое печатное издание Патканяна—«Русская азбука».

³² «На войне как на войне».

ՌԱՓԱՅԵԼ ՊԱՏԿԱՆՅԱՆԸ ԵՎ ՄԻ ՔԱՆԻ ԱՌԱԿԱԳԻՐՆԵՐԻ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ԵՐՎԱՆԻ ՁԻՒՆԳԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Ռ. Պատկանյանը բարձր է գնահատել ողա մեծ առակագիր Ի. Ա. Կռիլովի ստեղծագործությունը, տարրեր առիթներով բազմիցս օգտագործելով ինչպես նրա առակները, այնպես էլ թեմայի առանձին արտահայտությունները: «Նշականը և շուն» առակը գրելիս Պատկանյանը օգտագործել է Կռիլովի «Անցորդներ և շներ» առակի թեման, հարմարեցնելով իր ժամանակաշրջանի հայ իրականությանը: Վերլուծությունը պարզեց, որ «Հատրնտիր և պատկերազարդ առակը Եվուպոսի» գրքում տեղ են գտել ոչ միայն Եվուպոսի, այլ նաև Կռիլովի («Առուծի վճիռը», «Աղվես և խաղող»), Լաֆոնտենի, Լեսինգի և այլ առակագիրների ստեղծագործությունների թարգմանությունները: